

ИНТЕРЕСНОЕ ВРЕМЯ

Андрей
Жвелевский
Евгения
Пастернак

Как кошка с собакой

За мной они не бегают,
под Бриджит Джонс не косят,
сюжетным калькам не следуют
и даже могут отважиться
на почти вызывающий для
женского романа открытый
финал.

«Коммерсантъ Weekend»

Андрей Валентинович Жвалеvский
Евгения Борисовна Пастернак
Как кошка с собакой
Серия «Интересное время»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3954605

*Андрей Жвалеvский, Евгения Пастернак. Как кошка с собакой :
повести: Время; Москва; 2019
ISBN 978-5-9691-1219-3*

Аннотация

В книгу вошли две повести Андрея Жвалеvского и Евгении Пастернак. «Как кошка с собакой» – рассказ о самой невозможной любви, любви кошки и собаки. Больше того, домашней изнеженной кошечки и дворового пса со странностями. Хорошо, что есть люди, которые могут решить все проблемы влюбленных зверей. Плохо, что люди не сразу понимают, чего от них хотят, и сопротивляются собственному счастью.

«Про моркоff/on» – правдивая, хоть и фантастическая история. О выборе, о «правильном» семейном счастье, о женщине, которая это счастье кует на головах своих мужчин.

Содержание

Как кошка с собакой	5
Часть 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Андрей Жвалевский, Евгения Пастернак Как кошка с собакой

© Жвалевский А. В., Пастернак Е. Б., 2019

© «Время», 2019

* * *

Как кошка с собакой

Часть 1

ПЕС

День получился отличный!

Как начался отлично, так до конца и шел! Бывают такие дни...

Сначала Вожак привел нас к новой помойке. Уже за два двора пахло там многообещающе: слегка тухлым мясом, отличными костями, рыбой (правда, совсем не свежей), еще целым букетом. У нас классный Вожак! Он совсем не старый, всего на пару пометов старше меня. Не так чтобы очень сильный – в нашей стае есть и посильнее. Нос у него неплохой, но у меня куда чувствительнее! У меня, правда, вообще нос уникальный, это все признают, даже кличку мне дали – Нос. Но ведь у Вожака нос не то что невыдающийся – так, средненький нос, между нами говоря. А Вожак все-таки он, а не я.

Наверное, потому, что Вожак умеет находить вот такие помойки. И не просто находить, а появляться там вовремя.

Кошаку понятно, что такое шикарное место, как сегодняшняя помойка, бесхозным не будет. Оно и не было – на подходах метки стоят на каждом столбе. Но пришли мы все-таки вовремя. Стая там была примерно нам по силам. Чуть-чуть слабее. На кончик кошачьего хвоста слабее. Как это угадал Вожак? Кот его знает. На то он и вожак. А мне, видно, никогда в вожаки не выбиться...

Ну, неважно. Прибежали мы, там нас, понятно, местная стая ждет, заранее клыки скалит. Мы тоже на ходу разворачиваемся в боевой порядок. Все по науке: вожак на вожака, заплечные на заплечных, сязки на сязок. А меня мой нос замечательный уже до исступления довел. Ароматы такие, что я рычать не могу, слюной захлебываюсь. Соперник мне попался мощный. Коротконогий, морда как у нашего Кирпича – плоская, злая. И челюсти как у Кирпича – такой в глотку вцепится, не отпустит. Только в тот момент чихать мне было на эти челюсти, я жрать хотел и вообще прилив ярости необычайной ощущал. Вот так стоим, зубы друг другу показываем, тесним их – но не слишком, чуть-чуть. И тут вдруг в букете запахов моего соперника чувствую страх! Слабенький, едва слышный, если бы не мой чудесный нос, ни в жизни бы не почуял. Но уж как почуял, то словно волк в меня вселился! Я заорал что-то неразборчивое, разом всю слюну на чужого выплюнул, пасть раскрыл, чтобы мои резцы видать стало (а у меня резцы будь здоров!), и прямо на врага попер! Он от неожиданности назад подался. И наш Вожак кра-

ем глаза, а может, своим нижним чутьем это заметил и тоже вперед подался. И вся наша стая за ним!

Дрогнули они. Любой бы дрогнул – такие мы в ту минуту грозные были. Я, во всяком случае, чувствовал себя таким страшным, что пошел бы на любого человека с палкой. Честное слово! Так что ничего чужой стае не оставалось, только хвосты поджать да прочь убираться. Правда, их вожак молодцом держался, на спину не валился, не скулил, только пятился и зубами щелкал налево и направо. Его заплечные уже не за плечами стояли, а за хвостом, и страхом от них разило так, что в нашей стае последняя сямка чуяла и в ярость приходила. А у меня вообще башку оторвало. Я уже был готов на их вожака прыгнуть и целиком заглотить. Меня наш Вожак остановил.

– Куда? – рявкнул. – Видишь, стая уже уходит?

И стая ушла. Я тогда даже обиделся на Вожака, почему он меня не пустил? Да я бы один всех угрыз! Но потом поел, успокоился и понял – прав Вожак. Один я, понятно, никого не угрыз бы. Пришлось бы устраивать большую свару. Допустим, мы бы оказались сильнее. Допустим, перекусили бы чужих. Но ведь и нас бы тоже повредили! У них бойцы были, и не один, не два. И вот лежали бы мы усталые, раны зализывали – а тут третья стая! Они нас хвостами с лакомой помойки выпихали бы!

Все-таки гениальный у нас Вожак!

Я это все понял, но успокоиться никак не мог. Уже и по-

ели мы от пуза, уже территорию обежали, заново переметили, уже спать побрели в любимый подземный переход – а у меня всё плечи дрожат. Знаете, бывает такая хорошая дрожь, боевая, когда мышцы сами под кожей перекатываются, зубы непроизвольно щелкают и вообще тянет кому-нибудь в горло вцепиться? Вот у меня так случилось. Я даже полез на нашего Кирпича, устроил привычную свару по поводу места за правым плечом Вожака. Кирпич уже давно в заплечных ходит, но, по-моему, зря. Мое это место!

Обычно все заканчивалось двумя-тремя рыками, после чего я убирался на свое привычное место слева от Кирпича, но тут я вдруг подумал: «В конце концов, кто сегодня себя героем проявил? Кто первым врага подвинул?» А как вспомнил подробности стычки, так вообще в раж вошел. Ведь если я вражеского Кирпича победил, то и своего подвину! И подвинул!

Кирпич недоволен был жутко, скалился, нутряно рычал, но все-таки пустил меня за правое плечо Вожака.

Отличный день!

А Вожак – умница все-таки! – покосился на меня, проурчал что-то одобрительно и вдруг говорит:

– Нос, ты не слишком устал?

Устал! Да я сейчас был готов два раза вокруг города обежать без единой остановки!

– Тогда будь другом, Нос, сбегай по периметру.

– Легко! – ответил я.

И побежал по периметру – легко, как и обещал.

Стая улеглась на заслуженный отдых. Место за правым плечом Вожака никто не занял.

КОШКА

Во-о-от, во-о-от, мурррр, мурррр, и за ушком еще почеси... мрррршмяк!

Куда пошла? Нет, это возмутительно! Подумаешь, телефон зазвонил, неужели это повод скидывать с колен меня? Только я пригrelась! Ладно, я все запоминаю, попробуешь ты меня еще раз колбасой покормить...

Дыша праведным гневом, я отправилась к миске и принялась остервенелю закапывать то, что там лежало.

– Шкряб, шкряб, шкряб...

Вот глухая тетеря, не слышит. Ладно, попробуем по стенке:

– Шкряб, шкряб!

О! Бежит!

Я уселась рядом с миской с видом неделю голодающего создания.

– Каська, ты жрать хочешь?

Не, ну какая наглость! Что значит «Каська»? Что значит «жрать»? Почему не «госпожа Кассандра, не изволите ли откусать»? Что за манеры у этих людей! Совсем от лап отбились, забыли, кто в доме хозяин...

Я повернулась попой к хозяйке и продолжила демонстра-
тивное закапывание:

– Шкряб...

– Каська, имей совесть, это свежая рыба!

– Шкряб...

– Каська!!! Прекрати! Как ножом по стеклу. Я из-за тебя
ничего не слышу.

– Шкряб...

– Бум!

– Мяв!

Вот так ты значит... Тапком, да? Вот просто, банально,
как во всяких ужастиках показывают. Родную кошку тап-
ком...

Это что это тут на стуле лежит? Юбочка черная, выгля-
женная... Очень хорошо! Щас мы ее на пол штынем... Што-
то не штыгивается... шлеп! Уф! Ну свитерок – тоже хоро-
шо. Пока Ольга болтает по телефону, я как раз успею на нем
вздремнуть, пусть потом как хочет, так и отчищает.

С одной стороны, я конечно, вредничаю. Но с другой,
Ольга последнее время совсем обнаглела. Приходит поздно,
и я должна сидеть и ждать ее, не могу же я лечь спать одна!
Шляется неизвестно где, вещи сигаретами пропахли.

А радовались все! А крику-то было: поступила, поступи-
ла... Ну поступила, и что? Раньше придет из школы и си-
дит – уроки делает. Хорошо сидит, долго. Можно и на коле-
ни залезть, и под лампочкой на книжках поспать. А сейчас

никакой учебы – все бегают, бегают. А я все одна да одна, даже муркнуть днем некому.

ПЕС

Я бежал легко, упруго и впитывал запахи дворов.

Пахло весной: талым снегом, теплой грязью, птицами, лужами и ручьями. Люди пооткрывали окна и форточки, и во дворы вываливался тяжелый человеческий запах, ароматы которого я мог различить, но не умел назвать. Было там и что-то от помойки, сытное и приятное. Но большей частью пахло чем-то неестественным, резким, от чего все время тянуло чихать. И еще пахло раздражением, усталостью и злостью.

Я бежал по маршруту, который был сто раз пройден – и в одиночку, и со стаей. Удивлялся прозорливости Вожака. Останься я сейчас в уютном подземном переходе – и нарушил бы весь уют, стал бы от неуспокоенности души дергаться, рычать, сцепился бы с кем-нибудь без толку. Чего мне уже ссориться? Я заплечный, закрываю правый бок Вожака – но ведь сцепился бы, наверняка бы сцепился. А так бегу себе и не просто энергию свою в бег перемалываю, а полезным делом занимаюсь, периметр проверяю.

Я и раньше часто по периметру бегал. Мое уникальное чутье помогает найти следы вражеских разведчиков, даже если те пробежали по другой стороне улицы. И сейчас я заметил

следы нескольких соседских патрульных, на всякий случай обновил пару меток – пусть знают, что мы никуда не ушли, хотя и расширили свою территорию.

В дальнем дворе я, как обычно, поколебался секунду и, как обычно, свернул на ничейные земли. Интересно, Вожак знает, что я частенько бываю на ничейных землях? Кот его поймет, наверное, знает. Но ни разу не обмолвился.

Я нырнул в знакомый подвал, запоздало вспомнил, что забыл прихватить чего-нибудь вкусненького, и через узкий лаз забрался в большую теплую нору.

Мама встретила меня уютным ворчанием. Она по-прежнему пахла мамой: молоком, теплым животом, пушистым подшерстком... а еще проплешинами, подсыхающей задней лапой, какими-то лишаями и вообще старостью.

– Привет, Носик, – сказала она и закашлялась. – Как ты?

Нос у нее мой, чуткий и безошибочный до сих пор. Вернее, у меня ее нос, он мне по наследству достался.

– Отлично! – ответил я. – Я сегодня Кирпича отодвинул!

– Кирпича? Это такой... бультерьер, да?

Нос у мамы не стареет, а вот память уже не та. Всякие породы она еще помнит, а вот кто из ее детей какое место в своей стае занимает – уже нет. Я терпеливо растолковал, что к чему. Мама слушала и одобрительно покашливала.

– Молодец, Носик, – сказала она, – я тобой горжусь. Отец бы тобой тоже гордился.

Я внутренне взвыл, как волк в полнолуние. Сейчас дол-

жен был начаться бесконечный старческий разговор о моем отце – неописуемом красавце, ради которого мама оставила уютный дом, где ее кормили, души в ней не чаяли, и гав-гав-гав, и гав-гав-гав в том же духе. Я отца ни разу в жизни не видел и теплых чувств к нему не испытывал. От мамы мне достался чудесный нос, а от папочки что? Повышенная лохматость, от которой в жару хочется утопиться в ближайшем фонтане? Невзрачная внешность? Повышенная возбудимость?

Словом, не хотелось мне выслушивать обычную порцию воспоминаний, и я перебил:

– Извини, мама, я поесть не принес!

– Ничего, – сказала мама, – мне теперь много не надо. И Лохматая постоянно таскает.

Лохматая из одного со мной помета. Она бедовая и шальная, любит гоняться за машинами и вообще мне всегда нравилась. И еще она до сих пор заботится о матери. Своих щенков у нее нет – неудачно упала в юности – вот она за мамой и ухаживает, как за всеми своими неродившимися щенятами.

Мы поболтали о Лохматой, о других маминых детях (их было несколько десятков, если не сотня, я и не пытался запомнить всех), потом я извинился, объяснил, что на дежурстве, и полез наружу.

– Какой ты у меня красавец, – сказала мама мне в спину, – вот бы отец тебя увидел!

Я только сильнее заработал лапами.

Потом я бежал по периметру и все думал о маме. Она ведь действительно была когда-то домашней, каждый день ее кормили отборным мясом и вычесывали. Когда она болела, ее лечили и ухаживали за ней. И никаких блох!

Я сел и принялся ожесточенно выкусываться. Вообще блохи у меня тихие, но сегодня, видимо, напились моей возбужденной крови и сами пришли в возбуждение.

А у мамы тогда блох не было. Вообще. Зато у нее была кошка. То есть у хозяина, конечно. И не кошка, а кот, но все равно неприятно. Кот был противный и вредливый, но мама на него почему-то не сердилась. Одну историю она каждый раз рассказывала с неизменным смехом. Когда маму выводили гулять, хитрый котяра забирался на ее подстилку и метил ее своим поганим запахом. Мама терпела-терпела, но однажды застала его с поличным и поступила мудро: зажала кота между лапами и сама его пометила. Обильно так, с головы до хвоста.

Я бы так не смог. Я перестал выкусываться и грустно осмотрел себя. Мама была красавицей, высокой, мощной, раза в три крупнее меня. А я... В папочку, что ли? Я в который уже раз попытался разрешить умозрительную проблему: если папа был такой мелкий, как он на маму-то забрался? Запрыгнул, что ли? Или с кочки какой-нибудь? Я снова ничего не придумал и вернулся мыслями к истории с котом, а заодно продолжил патрулирование.

А что бы я сделал? На клочки порвал бы? Вряд ли. Я к ко-

там равнодушно отношусь, это у меня тоже мамино. Они со своим котярой потом мирно жили, он даже – позор какой! – спал прямо на мамином теплом боку. Мама меня научила немного кошачьему языку тела. Он дикий, понять его невозможно, но запомнить – вполне. Например, если кот падает на спину, это вовсе не означает, что он сдается на милость победителя или играет. То есть, может, и играет, конечно, но не обязательно. Возможно, он к атаке готовится. Или хочет, чтобы хозяин почесал его поганый живот. Или просто спать завалился. Но уж никак не сдается.

Или хвост. Это самое странное и сложное. У нормальной собаки виляющий хвост – это «привет, я рад тебя видеть! Давно тебя не было!» У этих тварей – все наоборот. Если они начинают хвостом размахивать, то жди беды. Кинутся на тебя, морду исполосуют и, очухаться не успеешь, как рванут куда-нибудь на дерево. Подлое племя.

И обнюхиваться к ним не лезь! Тоже по носу получишь. А если хочешь обнюхаться, то будь добр действовать осторожно, шумно не дыши, приветственно не ворчи... Короче, дикари!

Потом я снова переключился на маму. Я вдруг подумал, что в ее норе совсем не пахло едой! Соврала она, что ли, про Лохматую? Нет, наверняка я просто внимания не обратил. Без еды мама бы сто раз подохла. Нет, конечно, была там какая-то еда, я просто не обратил внимания... Точно, пахло! Потрохами какими-то... Или просто хлебом?.. В следу-

ющий раз обязательно притащу ей что-нибудь. Что-то мягкое, легкое, чтобы она смогла растереть своими слабыми руками. Или прямо сейчас сбегать? Пахло там едой или это я себя так успокаиваю?

Я так увлекся этими рассуждениями, что совершенно забыл о периметре. Очнулся только тогда, когда сообразил, что стою посреди совершенно незнакомого двора.

И не просто стою, а жадно втягиваю в ноздри какой-то странный, нерезкий, но необычный запах.

Очень приятный запах.

КОШКА

Я сидела на окошке и смотрела в небо.

Обида на Ольку постепенно уходила. Собственно, я не злопамятна, больше пары суток редко когда обижаюсь, а сегодня даже до вечера дуться неохота. Потому что вечер сегодня какой-то особенный. И небо такое... Такое, как будто все хорошее, что есть на свете, сегодня обволакивало меня со всех сторон. Было тихо, уютно, и не думалось ни о чем, просто сиделось и смотрелось на небо.

Этого пса я почувствовала сразу. И сразу удивилась тому, что он не испортил мне вечер.

Это меня настолько поразило, что я чуть было не повернула голову, чтоб посмотреть на него. В последний момент удержалась. Ведь если я на него посмотрю, то мне сразу при-

дется уходить, презрительно фырча. А мне этого делать совсем не хочется.

Пес наивно полагал, что я смотрю вверх. Вообще, многие наивно полагают, что кошке нужны глаза, чтобы видеть. То есть глаза – это, конечно, хорошо, но это не основное. Глазами я вижу внешнюю оболочку, а это же ничто, почти никакой информации. Взять, к примеру, Ольку. Внешне она одинаковая и утром, и днем, и больная, и здоровая. Ну посмотришь на нее глазами – ничего нового, ну нарядилась, ну переделалась, но в целом-то Оля и Оля. А вот если глазами не смотреть, а взять и почувствовать ее, то сразу понятно, какая она сегодня: грустная, веселая, добрая, злая, болит у нее что-то или пить ей хочется, хорошо ей или плохо, а если плохо, то как плохо... Обиднее всего, что обычно я знаю, что ей нужно: в ванне полежать или чаю попить. Но поди ж объясни!

Кошки человеческим языком почти не владеют, то есть все понимают, а вот с воспроизведением полная беда. Правда, люди еще хуже, они и не понимают ни черта по-кошачьи, а если уж мяукать возьмутся, то хоть на край света беги – ни слуха, ни голоса, как у собаки.

Собаки...

Удивительный попался пес. Я чувствую его, и мне не противно. В нем нет агрессии, нет грубости, а есть... Даже не понимаю, что это... Нежность? Да быть этого не может! Он же собака, он не может быть нежным. Восхищение? Да чем

он тут может восхищаться! Жратвы нет, а что еще, кроме еды, может восхищать дворового блохастого пса?

Я?

Нет, этого не может быть, потому что не может быть никогда, но все же... Я же чувствую! А уж чувства меня никогда не подводили. Я ему нравлюсь... Я ему... Кошка собаке... «Офигеть!» – как сказала бы Оля.

Я так изумилась, что повернула голову и посмотрела на пса. Надо же, не все собаки полные уроды, этот ничего. Мне даже захотелось посмотреть на него поближе, возможно, даже...

Тут я одумалась и быстро сиганула внутрь комнаты. Наверное, это старческий маразм приближается. Или течка скоро.

ПЕС

Я принялся сильнее и впервые в жизни не поверил собственному носу.

Пахло кошкой!

Нет, сам по себе факт уникальным не являлся – этих тварей полно в каждом дворе. Так и шастают, так и норуют какую-нибудь подлость учинить.

Но чтобы кошачий запах показался мне приятным!

Повращался вокруг себя, поводил носом, сел и зажмурился для полноты ощущений.

Бред какой-то!

Пахло кошкой, но мне не хотелось чихнуть, выдувая эту мерзость из носа. Потому что никакая это не мерзость была, а... Вот представьте: немного запаха слегка подвяленной рыбы, немного запаха тепла, тонкий аромат шерсти – теплой и мягкой. И еще капелька человеческого запаха. Хорошего, молодого, смелого, заботливого... И пахло еще уверенностью в себе, ленивой силой, грустью какой-то уютной пахло...

Нет! Не перескажу я вам, чем пахла эта кошка! Там ведь не в составляющих запаха дело, а в том, как они переливались, не смешиваясь, как дышали, как наплывал и отступал этот аромат. Короче, поверьте на слово – ничего подобного до того случая мне в нос не попадало. Это точно. Я даже выдохнуть забыл. Сидел кот знает сколько времени, держал в себе вдох и пошевелиться боялся. Потом понял – все, хватит. Запах запахом, а дышать тоже иногда чем-то нужно. Я резко выдохнул, вдохнул, закашлялся и поднялся. Первая волна немного откатила, я даже соображать начал. Определил направление, присмотрелся...

Кошка сидела в открытом окне второго этажа и смотрела в небо.

Волк меня подери, она так смотрела в небо, что хотелось подпрыгнуть со всех четырех лап и зависнуть перед ее шикарными усами. Чтобы прижаться носом к ее носу и понять, вынюхать, как это ей удается – так смотреть на обычное, ни-

чем не примечательное небо. Не было в том небе ни птичек, ни хотя бы каких-нибудь человеческих безделушек типа самолетов. Там, кажется, даже облаков не было. Хотя тут я могу и ошибаться. Глаза не нос, соврать могут.

Неважно, были там облака, не были. Все равно смотрела кошка так, как никто никогда никуда не смотрел. Как будто она уже все это видела и знала, что через минуту увидит. И как будто ничего интересного ей, конечно, уже не покажут, но смотрит чисто из жалости, хотя могла бы встать и уйти.

А потом мне расхотелось прыгать и висеть. Что за глупость – висеть? Мне вдруг стало ясно, что нужно броситься, всех победить, разодрать на части, принести к лапам моей красавицы, и бросить, и смотреть, как она медленно-медленно моргнет, а потом, может быть, поведет носом в мою сторону.

Потому что до сих пор она меня не замечала. Я был для нее все равно что булыжник или куст. Этого допустить я никак не мог.

Хорошо, что сдержался, не бросился побеждать, грызть и вообще не совершил никаких резких движений. Я вдруг вспомнил основу кошачьего языка, весь напрягся, пасть захлопнул и пошел к кошке. Шагов десять я сделал в ее направлении. И все думал: «Вот, кошка меня дери, не помню – а с хвостом что делать? Махать нельзя, это точно... а можно что?» Я попытался нести хвост неподвижно. Это оказалось невозможно, хвост то и дело сам собой покачивался из сто-

роны в сторону. Тогда я поджал его – это было унинительно и глупо. На девятом шаге я вспомнил – коты при встрече поднимают хвост трубой! Конечно, я сто раз сам видел: идут, морду вперед вытягивают, понюхают неоднократно, пока лапу поставят... а хвост торчит прямо вверх.

Я попытался. Громко и с чувством понюхал (какой запах, волк меня дери, какой аромат!). Осторожно поставил лапу на землю. Изо всех сил попытался задрать хвост...

Не знаю, как это выглядело со стороны, но кошка насмешливо фыркнула, потянулась и ушла с подоконника в комнату.

Я снова сел и чуть было не заскулил. Она ушла в дом – и сразу стали неважны все эти драки, помойки, вожаки и даже мама. Я посидел, пытаюсь запомнить запах. Понял, что невозможно это ни запомнить, ни вообразить, ни кому-нибудь пересказать.

Я встал и побрел на свою территорию.

Хвост безвольно болтался, хотя я его не пытался контролировать.

КОШКА

Запрыгнув в квартиру, я обнаружила там мамулю, которая пришла с работы и активно перекладывала что-то из больших пакетов в холодильник. Настроение у нее было хорошим, и я немедленно подлезла к ней под руку – сейчас можно.

– А, Каська, Касеныш, привет, моя хорошая, кушать хочешь?

– Мррр...

Что за вопрос, кто ж откажется?

– А что ты хочешь, сосиску или рыбку?

Эти люди иногда такие тупые! Ну и как, она думает, я ей отвечу? Не, я отвечу, конечно...

– Мрвмя!

– Сосиску?

Ну, я ж говорю! Сама спрашивает и сама ж ничего не понимает! Сами жрите ваши сосиски, там, кроме бумаги, ничего съедобного нет. Повторяю:

– Мрвмя!

– Сейчас, маленькая, я тебе сосисочку почищу...

– Я не хо-чу со-сис-ку!

– Сейчас, сейчас...

И как я после этого с ними живу? Сама себе удивляюсь.

Мамуля у нас вообще хорошая. Замороженная немного, но в целом хорошая. Если Олька про меня и забыть может, то мамуля – никогда. И из гостей придет пораньше – знает, что я не люблю одна сидеть, и рыбки свеженькой купит, и ночью подо мной не ворочается, как мельница. А то с этой Олькой просто беда. Только устроишься уютненько – голову на одну ее ногу, лапки на другую, так ей тут же приспичит перевернуться. А мне опять просыпайся, устраивайся. Короче, с Олькой спать просто мука.

А вот телевизор мне больше всего нравится с папулей смотреть. Он как вечером на диван ляжет, так пару часов и не встает. На его пузе можно вытянуться удобно, заодно и печень ему прогреть. Кто б сказал ему, что хватит уже жареную картошку сковородками трескать! Еще немного – и я не справлюсь, лекарства глотать придется.

Олька и мамуля телевизор смотреть совершенно не умеют. Мамуля все норовит что-нибудь связать. То спицей мне в глаз чуть не заедет, то локтем спихнет – просто жизни нет, а еще и вечно недовольна, что я ей мешаю. Я бы поспорила – кто кому мешает! А Олька – та все время куда-то бежит. То к телефону, то за чаем, то за вареньем, то за другим телефоном! Только под бочок залезешь – вскочила, побежала. Просто метеор какой-то, а не кошка! Или не человек?

Вот мамуля с папулей точно человеки – это ясно. А Олька... С ней я так до конца и не определилась. По внешнему виду, конечно, больше на человека похожа, а внутри... Иногда в ней что-то такое родное проскакивает, что я даже замороженную рыбу из ее рук соглашаюсь есть.

ПЕС

Чем дальше я убегал от чужого двора, тем легче становилось на сердце.

Наверное, потому, что запах выветривался. Ну кошка, ну смотрела куда-то... Чего меня развезло? Кошек я, что ли,

не нюхал? Постепенно мой нос вбирал в себя привычные запахи улицы, и я становился обычным дворовым псом Носом. Нет, не обычным! Я, между прочим, сегодня выгрыз себе право быть правым заплечным!

Это воспоминание снова сделало меня энергичным и бодрым. От полноты чувств я облаял большую седую крысу, которая шла по своим делам в тени дома. Крыса очень удивилась, остановилась, пошевелила усами, да так и стояла, пока я, полаивая, бежал мимо.

Когда я вернулся на место лежки, стая уже проснулась. Я принялся... и беззаботность сразу ухнула куда-то вниз, а на ее месте осталась только настороженность.

Прямо перед Вожаком стоял чужой. Он был большой, домашний, еще пах людьми и квартирой. И он стоял напротив Вожака, возвышаясь над ним, как сука над новорожденным щенком. Очень мне это не понравилось. Хотя сварой не пахло – чужой казался вполне миролюбивым и вовсю мотал своим обрезанным хвостом.

Я неслышно подошел с подветренной стороны и прислушался. Кажется, этот тип просился в стаю.

– Да надоело, – весело говорил он, – сижу, как гвоздь, на одном месте. Гулять выводят на пять минут. Жрать заставляют всякую дрянь консервированную...

«Ни кота себе дрянь!» – подумал я и сглотнул слюну. Однажды я вылизал банку из-под собачьих консервов. Это было что-то!

– Короче, свободы хочу! – гордо закончил верзила.

– Уходи, – сказал Вожак, – у нас нет свободы. Мы стая.

– Ну... Стая ведь свободная!

– Стая свободная. А каждый пес в ней – нет. Каждый, даже я, подчиняется стае. А ты, кроме всего прочего, будешь подчиняться мне и старшим.

Чужой сел и небрежно стал чесать задней лапой за ухом.

– Тебе – ладно. А на старших еще посмотреть надо.

Это было уже слишком. Я негромко, но выразительно взрыкнул. Чужак попытался вскочить на четыре лапы. Получилось смешно – вскочить-то он вскочил, но левую заднюю из-за уха достать забыл. Так и покатился кубарем. Стая захихикала.

– Не надо смотреть, – назидательно сказал я, – надо нюхать. И сидеть так, чтобы с подветренной стороны к тебе никто не подобрался.

Он наконец распутался, осмотрелся и тоже рассмеялся. «Молодец, – подумал я, – не полез в бутылку».

– Ладно, – сказал он, – убедили. Буду слушаться. А кого слушать? Тебя, тебя... еще кого?

– Сначала – всех, – отрезал Вожак. – Только ведь мы еще не решили, брать тебя или нет.

– А чего ж нет? – удивился чужой.

Вожак не ответил. Я тоже не ответил. Стая промолчала, только подвинулась поближе, обступая пса полуколыцом. Он повертел башкой и вдруг ошетинился. Выглядело это вну-

шительно, хотя и неквалифицированно – в один прыжок я мог оказаться на его загривке или вцепиться в горло.

И он не боялся! Это было самое странное. То ли дурак нам попался такой здоровый, то ли действительно настоящий смельчак, но не боялся он сейчас ни стаи, ни Вожака, ни того, что я стоял за его спиной, готовый к прыжку. Пахло от него решимостью, уверенностью в себе, немного обидой – и ни капли страха!

Тогда я сказал:

– Вожак, давай возьмем парня. Только его обучить надо.

Чужой обернулся ко мне и изумленно вытаращился. Это было еще глупее, теперь полстаи могло вцепиться в его незащищенное горло.

– Ты уверен, Нос, – задумчиво спросил Вожак, – что это хорошая идея?

Я помедлил с ответом.

– Стае от него будет польза, – сказал я.

А про себя добавил: «А мне вред».

И тут подал голос Кирпич:

– Но пару уроков ему дать надо. А то катается тут по земле... как кочан капустный.

Все снова рассмеялись. Я понял, что новичка взяли, что придется ему на первых порах несладко и что кличка у него уже есть.

– Ладно, Кочан, – сказал Вожак, – берем. Кирпич, научи его всему!

...Я уже засыпал, лежа на заслуженном месте заплечного, когда вдруг стали приходить странные мысли: «А почему я решил, что он будет полезен? Видно же – кочан кочаном, вместо мозгов кочерыжка...» И тут же другая мысль: «Это ладно... А с чего я решил, что лично мне от него вред намечается?» Я подергал ухом и понял – это все из-за сегодняшней кошки. Каким-то образом мне передалась ее способность видеть всю правду. Вот поэтому я и про Кочана все понял сразу.

Но откуда я узнал, что кошка видит всю правду? Почему я так уверен, что не ошибся в Кочане? И как мне могла передаться такая странная способность?

Этих вопросов я себе задать не успел, потому что уснул. Мне снилось, что мама молодая, веселая. И что она радостно вылизывает сегодняшнюю кошку, а та улыбается и виляет хвостом по-собачьи...

КОШКА

Утро сегодня получилось муторное. Оляка проспала и металась по квартире еще быстрее, чем обычно. Я сначала честно пыталась помочь ей собираться.

Но, боги, это было мукой! Я живу с ней уже четыре года, а эта дурочка до сих пор не может понять, что я всегда сажусь на ту вещь, которая ей в следующий момент понадобится. Если она красится перед зеркалом, то в следующий

момент будет причесываться, логично? И не нужно метаться по квартире с воплями: «Где моя расческа?» Подо мной твоя расческа, могла б уже и сообразить!

И крем для обуви подо мной! И конспект по философии! Ты не мечись, ты на меня посмотри!

Честно говоря, я за эти сборы так устала, что потом часа четыре спала просто как убитая. Проснулась, побродила по пустой квартире, загнала подальше клубок от мамулиного вязания, нашла под шкафом папулину отвертку и переложила ее под комод, догрызла цветок, который от меня спрятали на холодильник.

Плохой цветок, даже у меня от него голова болит, а мамуле с ним вообще в одной комнате находиться нельзя, у меня аж шерсть топорщится – я ж чувствую, что ей от него плохо. Так нет, цветок она холит и лелеет, уже третий раз реанимирует, а меня, родную кошку, еще и ругает. Бестолковая... Ладно, если опять пересадит, я его просто с холодильника сброшу, горшок пусть валяется, а огрызок росточка я в форточку выкину – там уж точно не найдут.

Вспомнив про форточку, я умылась, пригладила усы лапкой и прыгнула туда.

Не то чтоб я была очень падка на лесть... Не то чтоб я совсем не могла жить без восхищения... Но когда живешь с кем-то бок о бок уже целых четыре года, когда тебе тепло, сытно и уютно – это, конечно, здорово. Но никто ж не скажет с утра: «Кассандра, вы сегодня прекрасно выглядите!»

А ведь это обидно! Красота в мире существует для того, чтоб ею восхищались, а не только кормили тебя и чесали за ушком.

Вот и приходится подбирать, так сказать, крохи внимания.

Я сложила лапки, красиво свесила хвост на улицу, устроилась поудобнее и принялась ждать. Как обычно, не прошло и пяти минут.

– Кс, кс, кс...

Люблю детей, а когда они не могут достать до меня руками, люблю особенно. Они такие... Такие мягкие и чистые... Не снаружи, снаружи могут быть и грязными и поцарапанными. А вот внутри они нежные и милые, а главное – удивительно искренние.

– Мама, смотри, какая красивая кошка! Мама!

Да, мама, посмотри. Хотите фас? Профиль? А я еще вот так могу лапки сложить.

– Мамочка, она вся-вся беленькая... Какая она красивая!

Ну да, я сегодня ничего выгляжу, спасибо...

– Мама, ой, она ушками шевелит! А носик розовенький! Ма-а-ама!

– Да-да, красивая. У тети Аси такая же, пойдем быстрее, вон наш автобус.

– Не-е-ет, у тети Аси не така-а-ая...

Ушли. Ну и ладно, мелочь, а приятно. И все-таки удивительно, насколько дети умнее своих родителей! Конечно, у

тети Аси не такая! Где ж вы еще такую найдете! Между прочим, от титулованнейших родителей, мама чемпионка породы, папа... Папа тоже чего-то там выигрывал.

Если б Олька с мамусей не были такими ленивыми, мы б с ними все медали на выставках сгребли! А им, видите ли, в лом...

Но в чем-то я их понимаю. Эти выставки та еще тягомотина. С одной стороны, сидишь такая красивая и тобой все любят. Час это приятно. Даже два еще ничего. А потом хочется уже и развалиться, и пожрать, да и в туалет сходить, извините... А они все шастают, все любят! Судьи руками лапают, а цапнуть их нельзя – дисквалифицируют. Вот и мучаешься.

Пару выставок мы с Олькой по молодости отстрадали, а потом решили – все.

Свою медаль «Лучшая кошка породы турецкая ангора» я получила, теперь можно и отдохнуть.

Что хорошо – котят у нас с руками и лапами отрывают. И это здорово, потому что когда они подрастают, то сильно надоедливymi становятся.

ПЕС

Следующий день выдался хлопотным.

С утра приперлась старая стая – вышибать нас с помойки. Ага, разбежались! То есть не разбежались, конечно, а встали

мы все рядом и зубы показали, чтобы не было потом вопросов: «Ах, откуда у меня такие раны на боку?! Ах, кто мне ухо откусил?!» Я стоял, рычал и гордился своим Вожаком. Вот умница! Весь вчерашний день мы отдыхали, набирались сил и теперь встречали врага спокойные, решительные и грозные. Только Кочан все время выскакивал из строя и заливался неприличным визгливым лаем. Откуда у него этот фальцет? При его габаритах он вообще лаять не должен... так, изредка гудеть – и все. А этот – чисто шавка! Кирпичу пришлось раза три его чуть не за хвост ловить.

Полчаса, наверное, стояли мы и рычали. И чем дальше мы рычали, тем больше чужаки трусили.

А потом наш Вожак прыгнул на их вожака. Сразу, без разбега, зубами в глотку. Никто вокруг даже дернуться не успел. Потом Кочан было дернулся, но мы с Кирпичом разом на него так рыкнули, что он аж на задние лапы сел. Так мы и стояли – две стаи, между которыми, глухо рыча, возились вожаки. А потом вожак чужих вдруг заскулил... Честно говоря, я уж думал, все, капут парню. Но наш Вожак неожиданно разжал челюсти – так же неожиданно, как до этого прыгнул на соперника. Бывший вожак отлетел метра на два, перевернулся по пути через бок и бросился прочь, поджав хвост.

По мне аж судорога прошла. Как наш Вожак все ловко проделал! И напал вовремя, и добивать не стал. Мол, не боюсь я тебя, беги, куда хочешь. А сейчас он обратится к чужакам с речью.

– Вот что, – сказал Вожак, – вашей стаи больше нет. Кто-нибудь готов со мной поспорить?

Он сделал паузу. Ничего грозного в нем не было теперь: не слишком мощный, не слишком высокий, взгляд спокойный... Но никто почему-то спорить не стал.

– Хорошо. Тогда я продолжу. Нам нужны псы. Некоторые из вас нам подходят. Некоторые нет. Некоторым не подходим мы...

Он много еще чего сказал в том смысле, что лучших мы отберем, а остальные пусть проваливаются куда хотят. А потом мы отобрали десяток псов покрепче и попроще. Слишком хилые или слишком хитрые ушли, недобро поглядывая в нашу сторону. Кочан сразу заважничал и начал погавкивать на вновь принятых. Но мы с Кирпичом без лишнего шума отвели его в сторону и вежливо объяснили, чтобы он сидел тихо и не строил из себя бывалого. А будет выпендриваться – пожалеет (в этом месте объяснений я его легонько тяпнул за плечо). Кочан уgomонился, но ненадолго. Через пять секунд он подскочил к нам и стал упрашивать, чтобы мы его «всему научили».

Мы согласились. Было весело. Особенно когда отрабатывали одновременную атаку с двух сторон. Он только с десятого раза сообразил развернуться спиной к стене и встречать нас не обоих сразу, а по очереди. Потом мы обучали его нормам уличной вежливости и правилам безопасного отхода. Самым сложным оказалось удерживать Кочана в строю.

Он не умел медленно пятиться. Не умел медленно надвигаться. Он прыгал, как резиновый мячик, и все время крутил башкой по сторонам. Но кое-чему к концу дня мы с Кирпичом его обучили. И даже как-то с ним сроднились.

Поэтому никого не удивило, что Вожак отправил на патрулирование нас втроем – меня, Кирпича и Кочана. Хотя вру. Это меня не удивило, я знал, что Вожак нас отправит, а Кирпич не сразу согласился. И для Кочана такой оборот стал неожиданностью – правда, приятной.

Мы бежали бок о бок, заодно тренировали Кочана держать строй, уворачивались от детей, которые норовили то ли погладить, то ли палкой огреть, а я думал: «Что-то ты, Нос, слишком умный стал... Действия Вожака предвидеть начал». Тут в памяти всплыла вчерашняя кошка, и как-то это воспоминание было связано с приобретенным даром предвидения... но тут нас отвлекли.

На дальнем краю периметра группа шавок вывалилась на нас из-за угла и принялась облаивать безо всякой на то причины. Мы уже собирались шугануть их да бежать дальше, как вдруг в нос мне ударил тревожный запах.

– Внимание! – скомандовал я, еще не очень понимая, что имею в виду.

Кирпич послушался моментально, замер за моим правым плечом. Кочан, само собой, сначала башкой поворачивал, но потом посмотрел на нас с Кирпичом и занял позицию слева от меня. «А я ведь теперь вожак, – мельком подумал я, –

пусть и стоя у меня маленькая...»

И опять мне не дали додумать. Шавки не зря вели себя так нагло. За ними шли матерые псы. Серые, приземистые, с большими квадратными мордами. Чисто волки. Говорят, на окраинах такие живут – полусобаки-полуволки, огня не боятся, в людей обращаться могут... Врут, конечно, но в тот момент я был готов поверить во что угодно. Я уперся лапами в землю и оскалился.

– Кочан, – приказал я, глухо ворча, – за нашими, пулей!

Кочан даже не дернулся. Это было очень глупо, это могло всем нам стоить жизни, но в ту секунду я Кочана даже зауважал. А в следующую повторять приказ было поздно: пришлые молча окружили нас полукольцом и стали теснить к стене. Это было так жутко, что даже их шавки замолчали и попятились. И тут я понял, как себя вести.

Я перестал скалиться и выпрямился. Кирпич изумленно на меня посмотрел, но тоже выпрямился. Зубы он не спрятал. Такая уж у него харя – зубы все время торчат. Кочан, как оказалось, даже и не скалился все это время. Просто стоял за левым плечом и смело смотрел на стаю.

– Привет, – сказал я, в меру учтиво, но без подобострастия вильнув хвостом, – это наша территория. Вы на нее претендуете?

Полуволки остановились. Пахли они совершенно неразборчиво. По мордам понять что-то было невозможно. Хвостами не виляли.

– Нет, – отрывисто сказал их вожак, – нам нужен проход.

– Хорошо, – сказал я, – мы вас будем сопровождать.

Кажется, мне удалось их удивить. Пришлые коротко переглянулись.

– Зачем? – спросил вожак.

– Не хочу, чтобы моя стая сдуру на вас полезла.

Он нехорошо ухмыльнулся:

– Думаешь, мы боимся твоей стаи?

– Нет. Боюсь, что вы перекалечите половину наших.

Вожак фыркнул. Кажется, я начал ориентироваться в их запахе. Они не боялись, но и драться не собирались. Просто они шли по своим делам и готовы были перегрызть хребет любому, кто помешает. Но без причины грызть хребет им было лень.

– Как хочешь, – сказал вожак, повернулся и ровной рысцой побежал по улице.

Остальные – за ним. Это было внушительно, как будто один большой пес двинулся. Мы последовали за ними в двух прыжках сзади.

– Шавки, что характерно, – шепнул Кирпич, – куда-то подевались.

– Наверное, это не их шавки, – ответил я тоже шепотом, – прибились по дороге.

Больше мы не говорили. Кочан бежал молча и пах задумчивостью.

Мои опасения оказались напрасными. Через пару дворов

пришлые свернули с нашей территории и ушли дальше. Мы остались на границе. Я почувствовал, что горло у меня совсем сухое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.